
А. Г. БОБРОВ

Ефросин Белозерский как историограф

1. История вопроса

Священноиннок Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин не так давно, менее полувека назад, был осознан исследователями как создатель интереснейших по содержанию рукописных сборников: в статье 1961 г. Я. С. Лурье впервые обратил пристальное внимание на его книгописную и культурно-просветительную деятельность.¹ В последующие годы появились работы того же автора, а также Р. П. Дмитриевой, О. В. Творогова, М. Д. Каган-Тарковской, Т. А. Махновец, М. А. Шибаева, С. Н. Кистерева и других авторов, посвященные тем или иным аспектам творчества Ефросина.² Как заметили Я. С. Лурье и М. Д. Каган, «само имя книгописца <...> и все сведения о его жизни почерпнуты из записей, сделанных им в этих сборниках»,³ но из них мы можем узнать только об «иноческом» периоде биографии Ефросина Белозерского. На сегодняшний день известно восемь дошедших до нас рукописей, содержащих автографы Ефросина. Шести из них было посвящено детальное и снабженное исчерпывающими указателями описание сборников Ефросина, выполненное М. Д. Каган, Н. В. Понырко и М. В. Рождественской.⁴ Недавно М. А. Шибаевым была обнаружена одна ранее неизвестная неполная страница, переписанная этим кирилло-белозерским книжником.⁵ Наконец, автором данной статьи на основании сравнения почерков было установлено, что еще в одном сборнике также находятся листы, переписанные Ефросином (РНБ, Софийское собр.,

¹ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130—168.

² Обзор работ о книгописном творчестве Ефросина см.: Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 227—236 (здесь же библиография); Кистерев С. Н. Ефросин Белозерский в отечественной историографии // Очерки феодальной России. М., 1997. [Вып. 1]. С. 65—79. Из работ последнего времени следует назвать: Кистерев С. Н. Круг знакомств Ефросина Белозерского // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 61—87; Шибаев М. А. 1) К вопросу о бумаге Толстовского списка Софийской I летописи и сборников Ефросина // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 200—205; 2) О новом автографе монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Там же. С. 208—222; 3) Списки Софийской I летописи Младшей редакции и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 102—118; 4) «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 29—57.

³ Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин. С. 227.

⁴ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3—300.

⁵ Шибаев М. А. О новом автографе монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. С. 208—222.

№ 1462, л. 98—112; на л. 98 запись: «В лѣт(о) 7008 (1500) фев(раля) 8, в суб(оту) почато писати»). Самая ранняя запись в его сборниках относится к июлю 1463 г., а самая поздняя — к февралю 1500 г. Все эти годы, судя по всему, Ефросин в основном находился в Кирилло-Белозерском монастыре, но зимой 1477/78 г. он куда-то уезжал «на игуменство». По гипотезе Я. С. Лурье, Ефросин направился в Прилуцкий Рождественский монастырь, находившийся в Угличском княжестве.⁶ Это мнение было оспорено Е. Э. Шевченко, считающей, что упомянутая поездка на игуменство относится к Феррапонтову монастырю.⁷ Ефросин нигде в своих сборниках не говорит о своей жизни до пострижения в монахи, но анализ содержания и репертуара переписанных им агиографических, летописных и генеалогических текстов, наряду с некоторыми косвенными свидетельствами источников, позволил нам сформулировать гипотезу о том, что в «доиноческий» период жизни Ефросин Белозерский являлся князем Иваном Дмитриевичем Шемякиным.⁸

2. Ефросин как летописец

Книжное наследие Ефросина велико и разнообразно, но принадлежащих его перу сочинений по русской истории в сохранившихся сборниках не так много. Помимо древнейшего списка «Задонщины» (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря (далее — Кир.-Бел.) 9/1086, л. 123—129 об.) можно назвать выписки из летописей об установлении христианства на Руси и епископии в Ростове и Новгороде (Кир.-Бел. 6/1083, л. 300—303) и о крещении Руси (Кир.-Бел. 53/1130, л. 122 об.—129 об.), Хронологию татарских набегов с 1377 по 1453 г. (Кир.-Бел. 22/1099, л. 435), запись о столетии Куликовской битвы (Кир.-Бел. 9/1086, л. 263 об.), Краткий летописец (Кир.-Бел. 22/1099, л. 14 об. + РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1554, л. 13—17), выписки из него (Кир.-Бел. 9/1086, л. 130—130 об.) и Память Сергия Радонежского с летописными приписками на полях (Кир.-Бел. 22/1099, л. 164—167 об.). Кроме того, в каталоге библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, выполненном в конце XV в., достаточно подробно описаны три «ефросиновские» рукописи, к сожалению, не дошедшие до наших дней. В одной из них, названной в описании «Меньшей Сборник Ефросинов», также читался отрывок из летописи («Володимера Киевского как крестился»; нач.: «В лѣто 6000 четверсотное девять...») и Речь Философа; нач.: «В лѣто шесть тыщное чety...».⁹ Судя по помете Ефросина («от лѣтописца взято»), восходит к летописному источнику и Послание Василия Калики Феодору Тверскому о рае (Кир.-Бел. 22/1099, л. 239—244).

Таким образом, единственный целостный летописный памятник, дошедший до нас в автографе Ефросина, — это краткий летописец, первый лист которого находится в рукописи Кир.-Бел. 22/1099 (л. 14 об.), а основная часть, некогда изъятая П. М. Строевым для своего конволютного сборника, оказалась в рукописи РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1554 (л. 13—17).¹⁰ Вырванный фрагмент ле-

⁶ Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 347—356.

⁷ Шевченко Е. Э. Книжник XV в. Мартиниан // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 297—298.

⁸ Гипотеза о биографии Ефросина Белозерского до пострижения в монахи впервые была высказана нами в статье: Б о б р о в А. Г. Попытка одного отождествления (Князь Иван Дмитриевич = иннок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 270—278.

⁹ Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. 57—70 (ОЛДП. № 113).

¹⁰ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 11—12 (описание выполнено М. Д. Каган). Отождествление фрагментов принадлежит Р. П. Дмитрие-

тописи был опубликован А. А. Зиминным (без атрибуции Ефросину),¹¹ а начало текста воспроизвела в описании рукописи М. Д. Каган.¹²

Я. С. Лурье дал общий обзор состава этого летописного памятника и попытался определить его место в истории русского летописания.¹³ По мнению исследователя, летописец Ефросина (далее — ЛЕ) является «кратким, но последовательным конспектом» другого сочинения, «Летописца русского», опубликованного А. Н. Насоновым по двум спискам.¹⁴ Старший список «Летописца русского», доводящего повествование в своей основной части до 1482 г., датируется концом XV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 941) и также происходит из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Я. С. Лурье указал на существование еще двух списков «Летописца русского» и определил его как памятник, восходящий к Кирилло-Белозерскому своду начала 1470-х гг. В свою очередь Кирилло-Белозерский свод был реконструирован Я. С. Лурье на основании чтений восходящих к нему летописей (Ермолинской, Сокращенных сводов конца XV в. и Устюжской летописи).¹⁵

Таким образом, исследователь полагал, что первоначальная летопись была наиболее полной, потом она была подвергнута сокращению в «Летописце русском», и наконец, из этой версии текста были сделаны краткие выписки Ефросином. Мнение Я. С. Лурье о месте ЛЕ в истории летописания, однако, должно быть пересмотрено. Сравнение ЛЕ с «Летописцем русским» позволяет утверждать, что переписанный Ефросином текст, несмотря на то что он значительно короче, вовсе не является «конспектом» этой более пространной летописи, а имеет все признаки первичности. Приведем доказательства.

В статье 6696 (1188) г. у Ефросина, в полном соответствии с Лаврентьевской (далее — Л) и Троицкой (далее — Тр) летописями, говорится, что «гром страшен <...> зарази двое чяди», а в «Летописце русском» исправлено: «двое деток». Под 6829 (1321) г. в ЛЕ говорится о солнечном затмении, что оно произошло в июне и в 3 часа дня, и что солнце «бысть» как месяц (так же и в Тр), а в «Летописце русском» месяц вообще не указан, о времени сказано «въ десятии час дни», а про солнце говорится, что оно не «бысть», а «осталося» как месяц. Кроме того, в «Летописце русском», по сравнению с Тр и ЛЕ, сокращены точные даты преставления митрополита Петра и основания Успенского собора в Москве (6834 (1326) г.), рождения князя Юрия Дмитриевича (6883 (1375) г.), известие об исцелении митрополитом Алексием царицы Тайдулы в Орде (6865 (1357) г.), фразы «пред собою» в рассказе о знамении 6879 (1371) г. и «много зла створи» в описании «Тахтамышевщины» (6890 (1382) г.), указание на то, сколько лет находились на кафедре митрополит Алексей (6885 (1378) г.), и слова «святыи старец» в повествовании о преставлении Сергия Радонежского (6900 (1392) г.). Если полагать, что ЛЕ являлся сокращением «Летописца русского», то невозможно объяснить наличие в его тексте приведенных выше чтений, первичность которых подтверждается Тр.

Многие из указанных искажений первоначального текста присущи также Кирилло-Белозерскому своду начала 70-х гг. XV в. (судя по тем памятникам, на

вой: Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 251 (сноска 78).

¹¹ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА. 1950. Т. 5. С. 22—27.

¹² Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 11.

¹³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 206—208.

¹⁴ Летописный свод XV века (по двум спискам) / Подгот. текста и вводная статья А. Н. Насонова // Материалы по истории СССР. [Т.] 2. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 275—321.

¹⁵ Реконструкция текста заключительной части этого памятника за 1425—1472 гг. под названием «Севернорусский летописный свод 1472 года» была дважды издана Я. С. Лурье: ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 410—440; БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. Вторая половина XV века. С. 318—346.

основании которых он реконструируется), а также Московско-Академической летописи. Вторичность последней по сравнению с ЛЕ, подтверждаемая чтениями «дети» вместо «чади» и «осталось» вместо «бысть», особенно примечательна, ведь в ней содержится ряд уникальных исторических известий. Именно из Московско-Академической летописи мы знаем о том, например, что, когда после нашествия Тохтамыша Дмитрий Донской прогнал митрополита Киприана, «бысть оттоле мятеж в митрополии»¹⁶ (Тр и Свод Фотия об этом умалчивают). Но это сообщение читается уже в кратком летописце Ефросина: «В лето 6891 князь великий Дмитрие Иванович сослал Киприана митрополита, и бысть оттоле мятеж в митрополии» (Кир.-Бел. 22/1099, л. 15—15 об.).

Первичность чтений ЛЕ по отношению к этим летописям объясняется тем, что сам Ефросиновский список должен быть датирован более ранним временем, чем полагал Я. С. Лурье. Он утверждал, что содержащий ЛЕ сборник «по водяным знакам и тексту довольно точно датируется 70-ми годами XV в.»¹⁷ Однако исследования, проведенные в последнее время С. Н. Кистеревым и М. А. Шибаевым, показали, насколько сложным и разновременным был процесс сложения Ефросиновских сборников. Рукопись Кир.-Бел. 22/1099, как отметила в своем описании еще М. Д. Каган, также была составлена из «тетрадей, писанных в разное время».¹⁸ Текст ЛЕ находится в первой части рукописи, охватывающей л. 1—46. Здесь встречаются, согласно упомянутому описанию, следующие водяные знаки:

1. «Лошадь» (л. 4, 6, 8) — Б р и к е, № 3571 (1453—1481 гг.);
2. «Ножницы» (л. 23, 24) — Б р и к е, № 3744 (1448—1463 гг.);
3. «Зубр» (л. 13, 37, 41) — Л и х а ч е в. Вод. зн., № 4039 (1459 г.);
4. «Голова быка с крестом между рогами» (л. 30, 36) — Л и х а ч е в. Вод. зн., № 2263 (1453 г.).

Мы видим, что три из четырех филиграней (№ 2—4) относятся ко времени до 1463 г. Что же касается первого знака («Лошадь»), имеющего более широкие хронологические границы использования, то он встречается в еще одном сборнике Ефросина (Кир.-Бел. 53/1130), а в нем в свою очередь имеется точно датированная запись 1463 г. По наблюдениям М. А. Шибаева над филигранями и разливной кодехсы, сборник Кир.-Бел. 53/1130 в целом «можно датировать временем, близким к этому году».¹⁹ Таким образом, по водяным знакам список ЛЕ должен быть датирован не 70-ми гг. XV в., как думал Я. С. Лурье, а первой половиной—серединой 1460-х гг., точнее — временем, «близким к 1463 г.». К ранней датировке подводит нас и анализ содержания ЛЕ (первый издатель текста А. А. Зимин вообще на основании упоминаемых исторических лиц и событий относил составление ЛЕ к середине или к 50-м гг. XV в.²⁰). Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Памятник состоит из двух частей — основной и дополнительной. Основная часть ЛЕ начинается родословием русских князей, причем последним назван Василий Васильевич (умер 27 марта 1462 г.). Более того, родословие завершается фразой: «9-е колено от Всеволода московские князи, а от Рюрика 17 коленъ московские князи». Следующий великий князь, Иван III (18-е колено), в ЛЕ не упомянут. Завершается хронологически последовательная сетка статей ЛЕ тремя известиями о судьбе князей, потерпевших поражение в феодальной войне XV в. (отца и двух сыновей):

«Того же [1434 г.] лѣта преставися князь Юрии Дмитревич.

¹⁶ ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложения. 2-е изд. Стб. 537.

¹⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 207.

¹⁸ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 8.

¹⁹ Шибаев М. А. Списки Софийской I летописи... С. 106.

²⁰ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. С. 6—7.

В лето 6945 [1437 г.] поймали князя Василиа Юриевича маиа 14.

В лето 6961 [1453 г.] преставися князь Дмитриеи Юриевич июля 23».

Наиболее позднее летописное известие дополнительной части ЛЕ датировано 1 февраля 6967 (1459) г. В этом разделе находится также перечень русских митрополитов. Последний в списке иерархов Иона умер в 1461 г., причем все имена митрополитов пронумерованы, а завершается список фразой «[В]сех их 29». Имена же 30-го и 31-го митрополитов (Феодосия и Филиппа) добавлены Ефросином явно позже написания основного текста. Даже если Ефросин учитывал только «прежде бывших» митрополитов и не упомянул «нынешнего» иерарха, составление перечня надо отнести ко времени до 13 сентября 1464 г., когда Феодосий Бывальцев покинул кафедру.

Таким образом, как датировка списка по филиграммам, так и анализ свидетельств самого текста подводят нас к одному и тому же выводу: ЛЕ был создан и переписан в начале или в первой половине 1460-х гг. Это в свою очередь позволяет понять, почему этот памятник не может являться «конспектом» более значительных по объему, но созданных позже произведений («Летописца русского», Кирилло-Белозерского свода начала 70-х гг. XV в. и, по всей видимости, Московско-Академической летописи). Напротив, он послужил для них источником, был своего рода «заготовкой». Наличие в Ефросиновском списке следов творческого отношения к тексту (более 20 приписок над строкой и на полях, зачеркнутых или выскобленных букв и целых слов) позволяет с большой долей вероятности утверждать, что книжник не был простым копиистом чужой работы. Скорее всего, эта подборка летописных известий принадлежит самому Ефросину и относится к первому периоду его книгописной деятельности (начало—середина 1460-х гг.).

Какие же источники использовал Ефросин Белозерский при создании этого произведения? Оказывается, он последовательно соединял чтения Тр и Софийской 1 (далее — С1Л) летописей. Это доказывается двумя случаями, когда Ефросин невольно (как мы увидим дальше, он ставил перед собой другую задачу) соединил («контаминировал») информацию этих источников. Сравним тексты:

Тр>	>ЛЕ<	<С1Л
Тое же зимы бысть на небеси знамение страшно: преходити облакомъ аки кровавымъ съ востока къ западу.	Тое же зимы февраля 3, нощи час, знамение бысть на небеси: <u>облак яко кровав и свет яко заря.</u>	Того же лета в Филипово говение бысть знамение въ месяци, аки темною кровию покровень створися на чисте небе. Тое же весны в великое говение <u>аки огнены зари</u> явишася...

Мы видим, что в Ефросин использовал из Тр чтения «зимы <...> на небеси <...> облак(омъ) аки кровав(ымъ)», в то время как чтение «свет яко заря» явно попало в его текст под влиянием С1Л.

Тр>	>ЛЕ<	<С1Л
Тое же осени месяца октября въ 20 день прииде князь великий Василен Дмитриевич на Москву.	Тое же осени октября 24 <u>выиде из Орды</u> князь великий Василис Дмитриевич.	...великий князь Василии Дмитриевич <...> <u>выиде из Орды</u> на великое княжение.

Здесь Ефросин позаимствовал из Тр чтение «Тое же осени октября 20» (с исправлением даты), а из С1Л — «выиде из Орды».

Преобладают в сочинении Ефросина, однако, примеры другого рода. Чаще всего он не контаминировал известия летописей, а выписывал текст либо из одного, либо из другого источника. Из Тр книжник позаимствовал:

1. Отсутствующие в С1Л *целые известия* о землетрясении 6634 (1126) г., о «поставлениях», отставках и кончинах ростовских епископов в 6666 (1158), 6693 (1185), 6997 (1189), 6698 (1190), 6739 (1231), 6819 (1311), 6836 (1328), 6845 (1337), 6854 (1346), 6864 (1356) гг., сведения о смертоубийственном «громе» 6696 (1188) г., об освящении Успенского собора епископом Петром (6835 (1327) г.), об излечении царицы Тайдулы митрополитом Алексием (6865 (1357) г.), о «море» в Нижнем Новгороде и Переяславле (6872 (1364) г.), о рождении князя Юрия Дмитриевича и о том, что его крестил Сергей Радонежский (6883 (1375) г.), о двух приходах на Русь митрополита Киприана (6889 (1381) и 6897 (1389) гг.), о преставлении Сергия Радонежского (6900 (1392) г.), рассказы о небесных знамениях 6879 (1371) и 6914 (1406) гг.

2. Неизвестные С1Л «точные даты» знамения 6829 (1321) г., основания Успенского собора в Москве (6834 (1326) г.), смерти великого князя Ивана Ивановича (6867 (1359) г.) и митрополита Алексия (6885 (1377) г.), «поставления» епископа ростовского Григория (6904 (1396) г.).

С другой стороны, Ефросин заимствовал из С1Л:

1. Отсутствовавшие или отличавшиеся в Тр *целые известия*: описание знамения 6712 (1204) г., сообщения о перенесении мощей епископа ростовского Леонтия (6738 (1230) г.), о буре в Ростове 6809/1301 г., о смерти князя Давыда Ярославского (6829 (1321) г.), о совпадении Благовещения и Пасхи (6888 (1380) г.), о приходе на Русь митрополита Фотия (6918 (1410) г.), а также имя убитого в Твери ханского посла («Щелкан» вместо «Шевкал», 6835 (1327) г.).

2. Отличающиеся от Тр *указания на год или «точные даты»* преставления митрополитов Максима (6813 (1305) г.) и Феогноста (6861 (1353) г.), великих князей Ивана Даниловича (6849 (1341) г.) и Дмитрия Ивановича (6896 (1388) г.), вокняжения Ивана Ивановича (6861 (1353) г.) и «поставления» митрополита Алексия (6862 (1354) г.).

В совокупности перечисленные чтения составляют значительно больше половины летописного текста Ефросина. Оставшаяся часть — это либо краткие указания на важнейшие события русской истории (например, «Бысть Батьевщина»), либо «неизвестно-откуда-взятые» известия (термин Г. М. Прохорова), такие, как уже упомянутое сообщение о «мятеже в митрополии», вызванном ссылкой Киприана. Из этого факта мы можем заключить, что основная задача книжника состояла в сопоставлении двух версий летописного повествования — Троицкой летописи 1408 г. (по сути дела, Свода Киприана, хотя и завершенного после его кончины) и Свода митрополита Фотия, созданного, по нашим представлениям, около 1418/19 г. (по версии С1Л). Целью такого сравнения было, судя по всему, выявление различий между этими памятниками. Ефросин провел научную текстологическую работу, выписав основные смысловые и хронологические разночтения двух главных летописных произведений своей эпохи. Можно утверждать, что ЛЕ — это не рядовой «кирилловский краткий летописчик», каким он виделся исследователям до сих пор, а серьезный аналитический труд, впоследствии послуживший основой для других историографических памятников второй половины XV в., созданных также в Кирилло-Белозерском монастыре. В таком случае мысли Я. С. Лурье о возможной связи Ефросина с кирилловским летописанием 1470-х гг.²¹ находят серьезное и убедительное подтвер-

²¹ См., например: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 59—67.

ждение, и мы можем предполагать, что Ефросин был создателем не только краткого летописца, но также «Летописца русского» и Кирилло-Белозерского свода начала 1470-х гг.

Особый интерес представляет вопрос о том, где был создан ЛЕ. На первый взгляд, ответ очевиден: ведь Ефросин — священноинок Кирилло-Белозерского монастыря; ЛЕ повлиял на летописные памятники, происходящие из той же обители; в самом тексте неоднократно говорится о ростовских епископах, а также упоминается о кончине Кирилла и Христофора Белозерских. Однако могут быть предложены аргументы, свидетельствующие о какой-то связи ЛЕ с другим монастырем — Троице-Сергиевым.

1. Ефросин использовал при написании ЛЕ текст Троицкой летописи, созданной и хранившейся в XV в., скорее всего, в Сергиевой обители.

2. ЛЕ нашел отражение в тексте Московско-Академической летописи, единственный список которой конца XV в. также происходит из Троице-Сергиевой лавры (на первом и последнем листах есть записи о принадлежности рукописи библиотеке Троице-Сергиева монастыря).

3. Ефросин вообще проявлял особый интерес к Троицкому монастырю. В научной литературе уже отмечались некоторые обстоятельства, говорящие о связи белозерского книжника с Сергиевым монастырем: наличие в его сборниках указания на количество книг в библиотеке обители и перечня троицких игуменов. С. Н. Кистерев полагал, что Ефросин был в Троицком монастыре с декабря 1474 г. по декабрь 1476 г.,²² правда, согласно М. А. Шибяеву, книжник в это время находился в Феррапонтове. В тексте ЛЕ мы находим четыре известия, прямо связанных с Троице-Сергиевым монастырем. Перечислим их.

1) «В лѣто 6883 [1375] ноября 26 князю великому Дмитрею Ивановичу родися сынъ в Переяславли Юрии, и крести его преподобнии игумен Сергие старец».

2) «В лѣто 6900 [1392] преставися преподобнии игумен Серги. О, святыи старец!».

3) «В лѣто 6936 [1428] преставися преподобнии игумен Никон, чюдными старец, сѣдинами цвѣтушами, ноября 17, 5 час дне».

4) «В лѣто 6934 [1426] июня 29 сгорѣ монастыря Сергиева с треть, 4 час дне».

Последнее сообщение находится в дополнительной части ЛЕ, среди пяти записей за 1426—1459 гг. А первые два известия 1375 и 1392 гг., выписанные из Тр, были для Ефросина особенно важны: он вновь их процитировал в записи на полях того же самого сборника Кир.-Бел. 22/1099: «Сергие преставися в лѣто 6900 месяца сепевриа 25, жил 70 лѣт, 30 лѣт игуменил, а Никон 40 лѣт игуменил, потом Сава <...> лѣт»; «Князь Юрьи Дмитревич хрестникъ его» (л. 167).

4. Наконец, еще один аргумент в пользу гипотезы о троице-сергиевском происхождении ЛЕ. М. А. Шибяев установил, что Ефросиновский сборник Кир.-Бел. 53/1130, синхронный сборнику, включающему ЛЕ (т. е. Кир.-Бел. 22/1099), имеет тождественный водяной знак (две парные филигранные «Корона») с рукописью, переписанной Пахомием Сербом в Троице-Сергиевом монастыре в 1459 г. (РГБ, собр. МДА, № 23). Исследователь объяснил этот факт тем, что Пахомий приезжал в 1462 г. на Белое озеро для создания Жития Кирилла и, возможно, привез с собой бумагу, часть которой оставил в монастыре.²³

Но Ефросин Белозерский, видимо, был связан с Пахомием Сербом не только использованием одного и того же запаса бумаги. Эти книжники, судя по всему, по-разному пересказали своим читателям одну и ту же историю.

²² Кистерев С. Н. Круг знакомств Ефросина... С. 297.

²³ Шибяев М. А. Списки Софийской I летописи... С. 106—107.

3. Ефросин как рассказчик истории

Все в том же сборнике Кир.-Бел. 22/1099, в котором содержится ЛЕ, Ефросин переписал «Сказание о Ватопедском монастыре» (л. 273 об.—274 об.). Сюжет о чудесных событиях, послуживших причиной основания Ватопедской обители на Святой горе, входил также в цикл новгородских и афонских произведений «Повести древних лет», который я в другом исследовании атрибутировал Пахомию Логофету (Сербу) и датировал его письменную фиксацию концом 70-х гг. XV в. (эту легенду, я полагаю, Пахомий записал по памяти на склоне лет, вместе с целым циклом новгородских и афонских преданий). М. Д. Каган сравнила ефросиновский текст с другим («пахомиевским»), который был ей известен по изданию С. О. Шмидта,²⁴ и пришла к выводу, что перед нами разные редакции произведения.²⁵ Параллельное рассмотрение обоих текстов дает весьма интересные результаты.²⁶

	<i>Пахомий Серб (конец 1470-х гг.)</i>	<i>Ефросин Белозерский (1460-е гг.)</i>
	Сне же о другомъ монастыри Святогорскомъ, еже есть Ватопедъ	О Ватопедском монастырѣ въ Святом горѣ чюдо
1	Бысть в Римстемъ градѣ купец нѣкии велми богатъ, и по обычаю своему въсхотѣ поѣхати за море. И срядив корабль со всяким товаром, и поѣха по морю съ женою своею и съ едиnorodнымъ сыномъ своимъ. И бысть за морем лѣто все до тогоже времени, и с великимъ прибыткомъ поиде въ свою землю в корабли по морю, вѣтру им поносу сушу. И по прилучаю водѣ им недоставши, яже на потребу, и присташа у Святыя горы.	Нѣкии купецъ в кораблих ходя, случися ему пристати край моря в рѣку малу воды дѣля прѣсныя, а дружинѣ своеи повелѣ в суды воды наливати, еже и бысть.
2	Купец же онъ и съ женою своею, и с сыномъ своим, — бѣ бо сынъ его мал велми, учяшеся ходити, яко и еше и языком нѣмутуя бѣ, — выидоша ис корабля на брег, и прочии корабници, сущии с ним, и вземше воду, яже на потребу.	А самъ изыде с женою своею и съ единачадымъ сыномъ своим на брегъ походити.
3	И начаша ходити по острову оному, събирающе овощия. И яко бысть год поити им на корабль, и начаше людие собиратися на корабль, и собрашася всѣ, отроча же оно хожаше съ матерю своею.	Ходящим же имъ,
4	И внезапно озрѣся мати его, и не вѣди младенца своего.	абие бысть отроча ихъ малое без вѣсти, не вѣдаютъ, камо ся дѣ.
5	И начаша искати всѣ корабници, и по три дни искавше, не возмогоша найти его. И оставльше его, поидоста на корабль, недоумѣюшася, или звѣрь въсхитил будет, или в воду впадеса, или в ровъ вринуса. Вѣтру же им поносу сушу, родителем же плачущимъ и рыдающимъ неутѣшно.	Онѣм же родителемъ его изыскавшимъ съ всею дружиною, и не обрѣтшимъ его, плакавшимъ много, и по четырехъ днехъ отшедшимъ имъ от того мѣста.

²⁴ Ш м и д т С. О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 361—362.

²⁵ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 69 («Редакция <...> рассказа, отличающаяся от текста нашего списка...»).

²⁶ Сочинение, приписываемое нами Пахомию Сербу, воспроизводится по списку РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 659, л. 363 об.—365 об. (см.: Б о р о в А. Г. «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 168—169), а версия Ефросина публикуется нами по списку Кир.-Бел. 22/1099, л. 273 об.—274 об.

А. Г. БОБРОВ

<i>Пахомий Серб (конец 1470-х гг.)</i>	<i>Ефросин Белозерский (1460-е гг.)</i>
И приидоша в дом свои, въ град Римьскни, и безпрестани тужащим о своемъ чади, и никтоже можаше утѣшити их.	
И яко минуло лѣто, начат жена купца того свѣтовати мужу своему и глаголати: «Не могу забыть чяда моего. Поѣдем, господине, и поищемъ его въ Святой горѣ, нѣкли Богъ помилуетъ нас и услышит наше рыданье слезное, и явит нам чадо наше в живых ли, или въ мертвых естъ». И поидоша въ Святую гору. И яко быша на мѣстѣ ономъ, идеже отроча оста, и, мало походивше, видят родитилие его неизреченное чудо: и се абие отроча течяше пред ними въ купину.	Гостящим же имь по странамъ, бысть въ другыи годъ, случися тому же гостю путь приити на то же мѣсто, идеже отроча его малое угибло. И бысть ходящу ему на томъ мѣсте, глаголете к себѣ съ слезами: «Господи, владыко, Иисусе Христе, даи ми, Господи, сына моего, чтобы хоти кости обрѣлъ его*». Абие зрить сына своего играюща.
Мати же тече скоро за ним, зовуши его именем: «Чядо, азъ мати твоя, почто бѣжиши от мене?».	Он же начат звати сына своего и потече к нему съ женою своею с радостью. Отроча же от них бѣгу ся ятъ. Они же гнашася въслѣдь его, отроча же убѣжа от нихъ в купину, рекше в девре, что не мощи человеку проити сквозѣ. Отрок же под девре малою стезею подлѣзе и убѣжа у нихъ. Онѣма же глаголющима к нему: «Чядо, се азъ, отецъ и мати есвъ твои!».
Он же отзвася ис купины: «Нѣси ты мати моя. Мати моя здѣ естъ, иже мя кормит».	Он же глаголаше к нимъ: «Есть у мене мати, идеже пребываю».
И поидоша в купину къ отрочяти, и видят въ купинѣ икону пречистыя Богоматере, и свѣцу, пред нею горящу.	Они же начаша деврѣ сѣши, отпѣступиша около великою дружиною, чтобы не убѣжа отроча. Абие обѣскоша около всю купину, таже узрѣша камень велики на мѣсте томъ, на немже въобразися Пречистая Богородица въплощение и отроча, играюща у нея.
Родителие же отрочяти оного начаша въпрашати его: «Како здѣ пребысть? Или кто питает тебе и грѣтъ?».	Онѣм же глаголющим къ отроку: «Чядо, како zde пребываешь еси? И како погилъ еси от нас? И от кого питаемъ еси?».
Он же, възрѣвъ на икону преблагословенная владычица наша Богородица, глагола: «Сия мя кормит и грѣтъ, яко мати ми естъ. И свѣща сия безпрестани горит пред нею день и ношъ неугасимо. Тебе же не вѣмъ, кто еси, и нѣчто еси привидение».	Отрок же рече: «Ся мя мати моя питала бысть, и ходяще съ мною в мѣстехъ сих».
И абие родителие падше пред иконою, съ слезами глаголаста: «Что ти въздамы, владычице? Мы недостойнии, яже въздася намъ, яко съблюде чядо наше неврежденно от всякого прилога и навѣта, и дарова нам неначаянный дар».	Онѣма же зрящима на образ, яко и на иконѣ въобразися видится имь.
И пѣвше молебная пред честною оною иконою, и поставивша церковь на томъ мѣсти, идѣже обрѣтоша отроча и икону Пречистыя в купинѣ, въ имя Пречистыя, честнаго ея Благовѣщенна, и устроивша манастирь велми честен.	Таже на мѣстѣ томъ създаша церковь прекрасную зѣло (во имя Благовещенее Пресвятыя Богородица)**, и манастирь съградивша.

* В ркп. написано над строкой. ** В ркп. написано на левом поле со знаком вставки.

	<i>Пахомий Серб (конец 1470-х гг.)</i>	<i>Ефросин Белозерский (1460-е гг.)</i>
14	Он же благовѣрный муж и сам пострижеса в том монастыри, и имѣние свое вдасть в монастырь онъ. И есть и нынѣ монастырь велими велик и честен, и стѣна камянна около его. Отрочя же ту и возрасте в монастыри ономо, и въ мнишескии образ облечеса, и потом бысть игумен честен в том монастыри.	Сам же пострижеса, и съ сыномъ своим, жену же свою въ женском монастыри постриже.
15	Прият же порекло от искони и до нынѣ Ватопеди, сиречь в купинѣ отрочя. Свѣща же горит пред тою иконою водне и в нощи и до сего дне от оного огня...	Нарекоша же мѣсту тому Ватопедь.

Между двумя рассказами о чудесном событии с потерявшимся и обретенным ребенком есть много общего. Полностью совпадает сюжетная схема обеих версий вплоть до мельчайших деталей: (1) Путешествующий по морю купец пристает к суше, чтобы набрать воды. (2) Вместе с женой и маленьким сыном они выходят на берег (3) и гуляют. (4) Внезапно обнаруживается исчезновение ребенка; (5) его ищут, но после нескольких дней тщетных поисков отчаявшиеся родители уезжают. (6) Спустя год они возвращаются на то же место и вдруг видят своего сына. (7) Он убегает от них и прячется в куст. Купец с женой зовут ребенка, говорят, что они — его родители, (8) но он отвечает: «Моя мать здесь». (9) Проникнув в куст, отец и мать видят Богородицу. (10) Они спрашивают сына, как он спасся, (11) и тот отвечает, что его сохранила мать — Богородица. (12) Родители поклоняются ей и (13) создают на этом месте церковь Благовещения и монастырь, (14) в котором принимают постриг. (15) Этот монастырь называется Ватопед.

В основе обоих рассказов лежит один сюжет, более того — один и тот же его вариант, но текстуальных совпадений между версиями нет. За тождеством сюжета скрываются существенные различия не только в лексике, но и в поэтике. Если в версии Пахомия повествование развивается неспешно и размеренно, то у Ефросина действие динамично и стремительно. Сербский писатель не забывает отметить, что его купец был «велими богатъ», и корабль у него наполнен «всяким товаром», и торговал он «с великим прибытком», и даже его люди («корабници») не просто так ходили по берегу, а собирали «овошья». Все это важно потому, что в конце концов персонаж не только принял пострижение, но и «имение свое вдасть» в обитель, благодаря чему монастырь сделался «велими велик» и был окружен каменной стеной, а сын купца стал его игуменом. Всего этого нет у Ефросина. В отличие от думающих о «потребе» персонажей Пахомия, герои белозерского книжника на месте чудесного события строят церковь «прекрасную зело». Когда родители находят сына «играюща» (в небольшом тексте об этом говорится дважды), то устремляются к нему «с радостью»,²⁷ когда же он скрывается — они активно действуют: «начаша деврь същи, отпъступиша около великою дружиною, чтобы не убѣжа отроча. Абие обѣкоша около всю купину». Слово «дѣбрь» (в нашем случае — «дѣбрь») в древнерусском языке первоначально значило «долина, ущелье; овраг, ров», а значение, использованное Ефросином («низина, густо заросшая лесом и кустарником», «купина», т. е. то, что можно «сещи»), появляется позже, едва ли не с XV в.²⁸ Следует также под-

²⁷ Невольно вспоминается, что само имя Ефросин в переводе с греческого значит «радостный».

²⁸ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1967. Вып. 2. С. 15—16; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 197. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля первое значение имеет помету «стар.», а второе — «ныне». Напомним, что в «Слове о полку Игореве» встречается загадочное выражение «дѣбрь кисаню», вызвавшее множест-

черкнуть, что у Ефросина явно в особой чести слово «дружина» — оно употреблено им на протяжении небольшого текста трижды.²⁹

Центральное место в обеих версиях занимает эпизод, когда родители ребенка проникают внутрь чудесной купины (фрагмент 9). Если в варианте Пахомия они видят там «икону пречистой Богоматере, и свещу, пред нею горящу», то у Ефросина перед ними предстает «камень велии на месте томь, на нем же въобразися Пречистая Богородица воплощение, и отроча, играюща у нея», т. е. сама Богородица во плоти, стоящая на камне. Традиционный рассказ о явлении иконы превращается под пером Ефросина в описание не менее чудесного события, заставляющего вспомнить как о мотиве Богородицы, стоящей на камне в восточнославянских заговорах,³⁰ так и о народной космологии в целом (камень как ось мира, алатырь-камень и т. д.).³¹

Вопреки традиционной точке зрения, Ефросин Белозерский представляется нам не просто переписчиком и редактором литературных произведений,³² а создателем по крайней мере двух оригинальных и неординарных сочинений: летописи и легенды. Кирилло-белозерского монаха следует считать теперь не «книжником», а ярким и самобытным древнерусским писателем второй половины XV в.

во различных истолкований (Салмина М. А. Дебрь кисаню // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 93—96).

²⁹ В «Слове о полку Игореве» это слово упоминается семь раз. См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2. С. 51—52.

³⁰ См.: Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997. С. 51, 53, 58, 60, 71, 73, 283—285, 287—288, 293 и др.

³¹ См.: Левковская Е. Е., Толстая С. М. Камень // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 448—453.

³² Ср. категоричное утверждение М. Д. Каган: «Монах-книгописец Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин не был писателем» (Каган М. Д. «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 382).